

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ»

По делу № 53905, по обвинению католического священника, ксендза, настоятеля Армянского, Ордынского, Китайгородского, Супруньковецкого и Зиньковецкого р<имско>-к<атолических> костелов Каменец-Подольского округа УССР, в преступлениях, предусмотренных ст<атьями> 58-4, 58-7, 58-10, 59-7 УК.

Ксендз ЛЮБЧИНСКИЙ Феликс окончил духовную р<имско>-к<атолическую> семинарию в Житомире в 1909 г<оду> и в 1913 г<оду> был назначен викарным р<имско>-к<атолического> костела в Киеве (где настоятелем был осужденный ныне Верх<овным> судом СССР за контрреволюционную деятельность ксендз СКАЛЬСКИЙ) и на этом посту пробыл 3 года.

Для характеристики реакционности ЛЮБЧИНСКОГО и его лояльности по отношению к царской власти следует упомянуть, что, будучи ксендзом викарным Киевского костела Св. Александра в период 1915-1916 г<одов>, т<о> е<сть> в период нарастания революционного движения в тогдашней царской России и непосредственно перед низвержением царизма, он, ЛЮБЧИНСКИЙ, — по собственному желанию и в то время, когда другие ксендзы отказывались, присутствовал при 11-ти казнях осужденных царским военным судом рабочих и крестьян, пытавшихся так или иначе избавиться от гнета и произвола царского правительства, за что получил от своих коллег-ксендзов кличку "вешатель".

С 1916 по 1919 г<од> ЛЮБЧИНСКИЙ служил настоятелем костела в м<естечке> Куне Гайсинского уезда, Подольской губ<ернии>, в 1919 г<оду> переехал в м<естечко> Гайсин, проживал там до сентября 1920 и затем, по приглашению крестьян дер<евни> Кошевки вблизи Тульчина, переехал к ним на пост настоятеля местного костела.

Ксендз ЛЮБЧИНСКИЙ, как сам пишет в своей автобиографии (л<исты> 66-69) именно в Гайсине:

"Наглядно и на собственном тяжелом опыте убедился, что человек, лишаясь веры, лишается одновременно и нравственности и превращается в дикого зверя; все без исключения насильники, независимо от того, как себя называли, имели одну философию: "Бога нет, следовательно, все можно, все дозволено".

Почувствовав таким образом отвращение к происходящей тогда на Украине революции и гражданской войне «дождавшись прихода поляков» (в 1920 г<оду>), ксендз ЛЮБЧИНСКИЙ, "воспользовавшись приходом поляков", уехал в Каменец к бежавшему в Польшу вместе с отступающей поль<ской> армией епископу МАНЬКОВСКОМУ, просить его разрешения на выезд в Польшу. Получив отказ, ЛЮБЧИНСКИЙ вернулся в Гайсин, где в это время "военные операции были в самом разгаре", и оттуда

"спустя неделю поляки отступили, убедительно настаивая и на моем (т<о> е<сть> ЛЮБЧИНСКОГО) выезде с ними, как говорили, большевики изрубят меня на куски".

Послушный приказанию своего епископа МАНЬКОВСКОГО кс<ендз> ЛЮБЧИНСКИЙ остался в Гайсине, откуда "большинство моих (т<о> е<сть> ЛЮБЧИНСКОГО) прихожан уехало с поляками", и он остался «пастырем без паствы», что побудило его принять приглашение крестьян деревни Кошевка вблизи Тульчина и поехать к ним настоятелем местного р<имско>-к<атолического> костела в сентябре 1920 г<ода>.

В Кошевке ксендз ЛЮБЧИНСКИЙ был арестован Винницкой Губ<ернским> ЧК по подозрению в шпионаже, но затем был освобожден, вследствие ходатайства местных крестьян.

Во время его пребывания в тюрьме в Гайсине в октябре 1920 г<ода> в дер<евне> Кошевке и окрестностях вспыхнуло кулацкое восстание против Сов<етской> власти. Кс<ендз> ЛЮБЧИНСКИЙ был тогда вторично арестован и посажен в тюрьму в Тульчине по подозрению в участии в подготовке этого восстания, но был освобожден, т<ак> к<ак> в момент вспышки восстания он находился в Гайсинской тюрьме. В той же Кошевке ЛЮБЧИНСКИЙ пробыл до конца 1922 г<ода>, когда в его отсутствие вся его семья была убита неизвестной уголовной бандой. ЛЮБЧИНСКИЙ бросает тогда обвинение в этом нападении и убийстве на червонных казаков, накануне квартировавших в его доме, и ответственность за это убийство сваливает огульно на Сов<етскую> власть в целом.

В таком настроении ксендз ЛЮБЧИНСКИЙ переводится в Каменец-Подольск настоятелем сначала одного, а затем и нескольких местных и окрестных костелов и продолжает развивать энергичную антисоветскую деятельность, прежде всего в своих проповедях с амвона.

Уже в одной из первых своих проповедей, произнесенных после своего прибытия в Каменец в начале 1923 г<ода>, ЛЮБЧИНСКИЙ говорит публично с амвона, что "семья его была убита большевистской бандой и что он двум богам, т<о> е<сть> Богу и советской власти, служить не будет".

Обнаруженные при обыске у ЛЮБЧИНСКОГО 13 апреля 1927 г<ода> конспекты многочисленных проповедей, произносимых им публично с амвона, рисуют яркую картину неповиновения ксендзом ЛЮБЧИНСКИМ предоставленной законодательством Советской власти свободы религиозного вероисповедания для контрреволюционных целей, для ослабления и свержения в конечном итоге Советской власти и для проведения среди верующего польского населения влияния враждебной Сов<етской> власти идеологии польской буржуазной государственности для подготовки и облегчения ее политической, экономической и военной экспансии на Восток, т<о> е<сть> в СССР.

Сам ЛЮБЧИНСКИЙ считал себя до такой степени агентом польской контрреволюционной буржуазии и ее польского буржуазного государства, что на одном из первых же допросов заявил буквально следующее: "Я считаю, что арестован только потому, что ныне ухудшились взаимоотношения между СССР и Польшей". О контрреволюционном характере проповедей ЛЮБЧИНСКОГО свидетельствуют не только само содержание проповедей, — преимущественно облеченных в осторожную и иносказательную форму, иногда же резких и совершенно недвусмысленно антисоветских, о которых речь ниже, и показания свидетелей, но даже свидетельское показание непосредственного духовного начальника кс<ендза> ЛЮБЧИНСКОГО, управляющего Каменец-Подольской р<имско>-к<атолической> диоцезии, зам<естителя> епископа, кс<ендза> СВИДЕРСКОГО.

Опрошенный по поводу проповедей ЛЮБЧИНСКОГО кс<ендз> СВИДЕРСКИЙ в протоколе допроса от 7 октября 1927 г<ода> (л<ист> 168) вынужден был подтвердить, хотя и в весьма осторожной формулировке, что во время одной беседы с кс<ендом> ЛЮБЧИНСКИМ по поводу его проповедей, он — СВИДЕРСКИЙ указал ЛЮБЧИНСКОМУ, что хотя его (Любчинского) проповеди и хороши и ему (Свидерскому) нравятся, но тем не менее тон этих проповедей бывает слишком резок, и отдельные сравнения и примеры могут быть истолкованы, как антисоветские.

Сам же ЛЮБЧИНСКИЙ в протоколе допроса от 2 мая 1927 г<ода> (л<ист> 28) показал, что обнаруженные у него конспекты проповедей являются теми материалами подготовки, по которым он читал в костеле в разное время проповеди. В протоколе же допроса от 18-го октября 1928 г<ода> (л<ист> 165) ЛЮБЧИНСКИЙ признал, что некоторые прихожане могли усмотреть в его религиозной проповеди антисоветский момент.

Наконец, об антисоветском и контрреволюционном характере проповедей ЛЮБЧИНСКОГО имеются в деле ЛЮБЧИНСКОГО ряд свидетельских показаний. Таковы показания свидетелей (ДОРОШЕНКО (л<ист> 46); КВЯТКОВСКОГО (л<ист> 62); ПШЕБЕЛЬСКОГО (л<ист> 133); ГИЖИЦКОГО (л<ист> 188) <...>».